

Наталья Нестерова

Простите меня!

Часть сборника
Простите меня! (Сборник)

Наталья Нестерова

Простите меня!

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181058
Простите меня!: АСТ, Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-058871-8, 978-5-271-23549-8*

Аннотация

Никому не пожелаешь получить от незнакомой родственницы сообщение: «Здрасьте, я ваша бабушка, переезжаю к вам насовсем». В семьях Антона и Марины капризная эксцентричная старушка, обожающая нелепые наряды, принялась устанавливать свои порядки. Доведенным до белого каления внукам пришлось искать способы нейтрализации чикчирикнутой бабушки.

Герои Натальи Нестеровой живут с азартом – выходят замуж по любви (даже когда по расчету), попадают раз за разом в смешные ситуации, запускают фейерверки страстей и не склонны к унынию. А финал у историй Натальи Нестеровой обязательно будет справедливым и... неожиданным!

Наталья Нестерова

Простите меня!

Внуки теплых чувств к бабушке не питали. В детстве она не забирала их на каникулы, не приезжала в гости, не слала гостинцы и подарки, словом, никак не участвовала в воспитании. Логично, что, повзрослев, внуки платили той же монетой – забвением. Двоюродные брат и сестра, Марина и Антон, не видели бабушку ни разу, только знали о ее существовании. Родители Марины и Антона, соответственно бабушкины дочь и сын, умерли трагически рано, бабушка своих детей пережила. Еще бы! Она себя берегла. Бывшая прима областного оперного театра, она и на пенсии сохранила замашки капризной избранницы судьбы. Пока могла себя обслуживать (скорее – находились те, кто ее обслуживал), сидела в своей провинции, не вспоминая о внуках и правнуках. И вот заявила в Москву. Здравствуйте, я ваша бабушка, подвиньтесь и будьте любезны ухаживать за мной!

У Марины и Антона ситуации схожие: квартиры небольшие, купленные в кредит, дети маленькие – у Марины дочери два года, сыну Антона девять месяцев. В обеих семьях отцы работают с утра до вечера, мамы сидят с малышами. Каждая копейка на счету, каждая минута сна – подарок. Им не хватало многого, но только не совершенно чужой, хоть и родной по крови, бабушки.

Вначале бабушка поселилась у Марины. Согласия не спрашивала. Поставила перед фактом, позвонив по телефону.

– Еду к тебе провести остаток жизни.

– В каком смысле «еду»? – опешила Марина.

– В смысле – поездом. Встречайте. Кажется, поезд приходит утром. Меня проводят. Вагон пятый. До встречи.

Марина положила трубку, повернулась к мужу и, вытаращив испуганно глаза, проямлила:

– К нам едет бабушка. Вагон пятый. Жить.

– Чего-чего? – не понял Андрей, муж.

– У меня есть бабушка... биологическая, я тебе рассказывала...

– Не помню.

– Да я сама о ней тысячу лет не вспоминала. На похороны мамы не приехала. «Мне вредны отрицательные эмоции», – передразнила Марина, вспомнив свой давний разговор с бабушкой. – И с рождением правнучки не поздравила...

– А теперь? – поторопил Андрей.

– Теперь она, кажется, собирается у нас умирать, в смысле: жить до смерти.

– Нам только умирающей бабушки не доставало!

Они повздорили. И получилось, что Марина, сама в панике, вынуждена была доказывать мужу, что есть моральные ценности, которые не обсуждаются. Марина расплакалась, не столько из-за черствости мужа, сколько от предчувствия,

что их жизнь превратится в форменный кошмар.

Андрей сдался, поднял руки. Сказал:

– Ладно, пусть бабушка поселяется. Поближе к воде, то есть к водопроводному крану. Все равно, кроме как на кухне, разместить негде. Не на балконе же устраивать. Там она быстро околеет. Что, впрочем, было бы неплохо.

И на протестующий рык Марины примирительно оправдался:

– Шучу, прости! Кто у нас, говоришь, бабушка? Меццо-сопрано на пенсии? Будет правнучке колыбельные исполнять, а мы сможем хоть иногда вечерами вырываться из дома.

Но Андрей глубоко заблуждался, рассчитывая, что Маринына бабушка станет нянькой.

Встречали ее больше трех часов. Андрей отпросился с работы. Три поезда из бабушкиного города приходили в девять, десять тридцать и одиннадцать сорок. Два выхода на перроны были ложными. Вокзальная обстановка нервировала. Суматошные люди с чемоданами и баулами, алчные навязчивые таксисты, толкотня, дурные запахи, мусор, пустые бутылки от пива на каждом шагу, обилие пьяных и подозрительных личностей – московские вокзалы, как их ни отмывай, все равно остаются филиалами клоаки.

Андрей звонил на работу и говорил, что задерживается. Марина звонила соседке, которая присматривала за доче-

рю, и уговаривала посидеть еще часок. Андрей терпеть не мог расхлябанных, необязательных людей, которые пожирают чужое время.

Что стоило бабушке заглянуть в билет на номер поезда? Ничего не стоило. И не пришлось бы им киснуть на вокзале, когда дел невпроворот. Он выговаривал жене, словно та несла ответственность за легкомыслие бабушки. Марина молча слушала упреки и вспоминала слова мамы: «Родителей не выбирают. Твоя бабушка – натура неординарная. Нам еще повезло, что живем далеко друг от друга». Везению пришел конец?

Бабушка приехала в одиннадцать сорок. Марина ее мгновенно узнала, хотя никогда не видела. Из воспоминаний детства: мама и дядя шепотом злословят, называют бабушку вечно загримированной актрисой. Она так и не разгримировалась, напротив – поверх старой краски наслаивала новую. На перрон вышла дряхлая королева в наряде и макияже куртизанки.

«О боже! – мысленно ужаснулась Марина. – У нее ресницы приклеенные».

Над искусственно большими, в комочках туши, ресницами синели тени. Толстый слой пудры покрывал лицо, проваливался в глубокие морщины, делая их еще заметнее и наводя на мысль о бороздах, процарапанных острым предметом, вроде шила. Румяна на щеках клоунски пунцовели. Дешевая жирная помада растеклась, уплыла в морщинки над губой, и

поэтому казалось, что бабушка недавно пила кровь. Редкие седые волосы не закрывали голову, которую венчал шиньон в виде большого засушенного инжира – такой же кривой и сухой. Цвет шиньона на три тона отличался от своих волос, сквозь которые просвечивал череп.

На бабушке был ядовито-розовый костюм, с рюшами на груди, на талии и по подолу юбки. В ушах болтались крупные серьги, оттянувшие мочки, как у дикой африканки. Пальцы унизаны перстнями самоварного, позеленевшего от времени золота, с «камнями» величиной с грецкий орех.

Проходящие мимо люди, торопившиеся, занятые своими мыслями, по-вокзальному суетливые, на бабушку оглядывались. Было на что смотреть.

Бабушка подставила внучке щеку для поцелуя. В нос Марине ударил крепкий запах томных духов.

– Бабушка, это мой муж Андрей.

Оглядев Андрея с ног до головы, бабушка изрекла:

– Примерно так я себе и представляла.

Андрей не понял, комплимента удостоился или оскорбление заработал. Его первой реакцией при виде чик-чирикнутой старушки в розовом была широкая ухмылка. А потом оказалось, что это и есть Маринкина бабушка. Быстро сменить выражение лица с насмешливого на почтительное получилось не сразу.

Бабушка распоряжалась:

– Вынеси мои вещи из вагона.

И спрашивала:

– А где носильщики?

– Я сам, – суетливо дернулся Андрей. – Какое место, купе?

Пока они ждали прибытия бабушки, посмотрелись на услуги носильщиков. Те брали по сто пятьдесят рублей за место, будь то хоть сундук, хоть легкая авоська. Но и этот тариф кончался на незримой границе вокзала. А за границей – двойная плата. Марина и Андрей наблюдали несколько сцен, когда носильщик, провезя багаж лишние пятьдесят метров до автомобиля, вынуждал людей платить несусветные деньги, грозил милицией и тыкал пальцем в табличку на своей тележке, где двойной тариф обозначался мелко-меленько.

Пока Андрей сновал из вагона на перрон, бабушка упрекнула Марину:

– Не догадалась с цветами встретить?

– Извини! – смутилась Марина.

С бабушкой прибыло столько вещей, что и одним носильщиком было немислимо обойтись. Бабушка ехала одна, остальное пространство купе занимали ее чемоданы, коробки и сумки. Они перетекли на тележки носильщиков и возвышались корявыми пирамидами.

«В одно такси не поместимся, – переглянулись Марина и Андрей, – и в два вряд ли. Влетит нам в копеечку».

Они планировали, что Андрей отойдет от вокзала и пой-

мает машину. Марина с бабушкой подождут. Потому что вокзальные таксисты ломили цены запредельные. До места, к которому красная цена четыреста рублей, таксисты требовали две тысячи и с неохотой на полторы соглашались. Но поймать три машины и подогнать их к вокзалу было нереально.

Поняв безвыходность Марины и Андрея, стоящих у груды багажа, таксисты ни в какую не соглашались снижать плату.

– Что за вульгарные торги, – хмыкнула бабушка-аристократка.

«Может, ты сама и выложишь девять тысяч рублей за доставку своего барахла? И заодно оплатишь носильщика», – подумала Марина. Но вслух ничего не сказала. Лихорадочно соображая, как в их маленькой квартире разместить бабушкины вещи. Если их просто внести и поставить, не останется места для передвижения.

Ехали на трех машинах. Потом Андрей сбегал домой за деньгами, чтобы расплатиться с таксистами, таскал вещи наверх. Как и ожидала Марина, в квартире стало не повернуться.

Андрей уехал на работу, потный и злой.

– Бабушка, это твоя правнучка, – представила Марина дочь, испуганную вторжением чемоданов и коробок.

– Здравствуй, девочка! – ущипнула бабушка ребенка за щеку, не подумав спросить об имени. – Так! Никаких «бабушек» и тем более «прабабушек». Зовите меня Эмилия. Яс-

но? Девочка, повтори: Эмилия.

– Миля, – повторила малышка.

– Тесно у тебя, – скривилась бабушка Эмилия.

– Что имеем, – огрызнулась Марина.

Она-то считала, что покупка однокомнатной квартиры в Москве, да не на окраине, – свидетельство их с Андреем благополучия.

– Где я буду жить? В комнате?

– Нет, извини. Спать ты будешь на кухне.

– Что? Как прислуга? Кухарка?

– Бабушка, то есть Эмилия, – старалась держать себя в руках Марина, – в комнате ребенок, который просыпается по ночам, да и мы с Димой.

«Скажи спасибо, что тебе кухню выделили», – хотелось добавить Марине. Но она промолчала. И в последующие дни у нее выработалась привычка думать одно, говорить – другое.

– Кроме кухни, могу предложить только ванную или балкон.

Эмилия мгновенно учуяла зреющий бунт внучки. Ткнула корявым старческим пальцем с вызывающе красным маникюром Марине в грудь:

– Не груби! Я этого не люблю. Еще будешь благодарна, что я у тебя остановилась.

– Бабу... Эмилия, душ примешь после дороги (смоешь свой жуткий макияж) или завтракать? – спросила Марина.

– Чашку хорошего кофе и сигарету, – распорядилась старушка.

В течение рабочего дня злость Андрея перегорела. На кого злиться? На Маринку, которая пожертвовала карьерой ради их ребенка? Два с лишним года назад Марина работала с ним на одной фирме, и перспективы роста у Маринки были куда лучше, чем у Андрея. Сейчас ловит каждое слово, когда он рассказывает о производственных делах. Старается скрыть, но заметно – переживает, скучает. И при этом держится молодцом, вьет их семейное гнездышко. Да и мать она замечательная. Теперь же на Маринку свалились новые проблемы в виде бабушки, которая явно с норовом. Актриса, ёшкин корень, а выглядит как старая шлюха.

Андрей купил по дороге домой торт. Вошел в квартиру, протиснулся между коробок и оптимистично воскликнул:

– Как тут мои женщины? Что наша бабуля?

Она выплыла в коридор. По-прежнему в боевой раскраске, одета в яркое шелковое кимоно.

– Андрей! Я вас решительно попрошу при мне не выражаться!

И уплыла на кухню.

– Что я такого сказал? – удивленно повернулся Андрей к жене.

– Ее нельзя величать ни «бабушка», ни «бабуля», остальные однокоренные слова также не приветствуются. Только

по имени – Эмилия, без отчества, – устало ответила Марина.

Андрей видел, что жена на грани истерики, что слезы у нее стоят близко. Маринка, умница, стойкий солдатик, пасовала перед грубостью и нахальством. Не могла отвязаться от настырных нищих или цыганок на улице, терялась, когда ей хамили в магазине. Андрею эти слабости казались достоинством, проявлением истинной женственности.

Он обнял жену:

– Маринкин! Держись, воробей! Мы ведь вместе. Прорвемся. Что нам одна вздорная старуха? – Последние слова он произнес шепотом.

– Ты не представляешь, ты не представляешь, – быстро и так же тихо заговорила Марина. – Она все требует делать по-своему, каждую минуту меня шпыняет, она, она...

– Тихо, тихо! – гладил Андрей жену по спине. – Хочешь, я с ней поговорю и поставлю на место? В том смысле, что, коль приняли вас, извольте подчиняться нашим правилам?

– Не знаю, – задумчиво сказала Марина и с надеждой посмотрела на мужа.

– Решено, сейчас я ей покажу, где раки зимуют. Что конкретно требовать?

Конкретно Марина не могла сказать, потому что все в бабушке, в словах ее и поступках, противоречило нормальным семейным отношениям. К природному эгоизму Эмилии, жившей с единственной установкой баловать и тешить себя любимую, теперь примешивалось старческое слабо-

умие, вздорность, капризы и нетерпение к чужому мнению.

Из «конкретного» Диме и Марине удались только два пункта. Первый – курить не в квартире, а на лестничной площадке. Второй – бабушка будет питаться вместе с ними, за общим столом.

А поначалу она заявила:

– Желудок у меня деликатный, диета строгая. Домашний творог, сливки, сметана и парное мясо с рынка, овощи и фрукты, обожаю киви, манго и ананасы.

Андрей, которого перепалка по первому пункту – курению – уже вывела из себя, с трудом сохранял спокойствие. Эта старая мымра посмела заявить, что если она шестьдесят лет курит, то и маленькому ребенку дым не повредит! Вот уж нет! Извините! Травитесь никотином сколько хотите, но моя дочь вдыхать его не будет! Он стукнул кулаком по столу и так посмотрел на Эмилию, что та заткнулась.

Перешли ко второму пункту. Тут бабуля и выдала про особое питание.

– Замечательно! – сказал Андрей. – Конечно, если у вас есть возможность питаться рыночными продуктами, никто не возражает. Рынок от нас в четырех троллейбусных остановках. Деньги у вас наверняка имеются, квартиру ведь продали? Покупайте, готовьте что хотите. Мы на ваши харчи не претендуем. Марина, выдели бабушке... пардон, Эмилиии полку в холодильнике.

У Эмилиии забегали глаза. Она несколько растерялась, что

было для нее, очевидно, непривычно, поэтому выглядела жалко – как клоун на манеже, которого освистала публика. Но бабушка быстро взяла себя в руки (актерская выучка) и нацепила маску разорившейся аристократки.

– Да, я продала квартиру, – сказала она. – Но у меня были финансовые обязательства.

– Долги? – уточнил Андрей. – Вы заплатили долги?

– В противном случае угрожали не выпустить меня из города или вовсе прикончить.

Бабушка смотрела на них с гордостью, как человек, ждущий восхваления после совершенного подвига.

Восхищения не последовало.

– О-ля-ля! – присвистнул Андрей. – Так вы, Эмилия, банкрот?

Далее случилась сцена, которая неопытных Андрея и Марину, не выдавших прежде показных умираний, а только переживших истинные смерти родителей, привела в шок. Да если бы у них и мелькнула мысль, что наблюдают игру в предсмертную агонию, то они тут же одернули бы себя: игра легко может перейти в реальную трагедию.

Эмилия схватилась за грудь:

– Воздуха! Воздуха! Сердце! Мое сердце останавливается... Господи, прости моих мучителей...

Она сползла на пол, корчилась, задыхалась, дрыгала руками и ногами. Кимоно распахнулось, и стали видны панталоны, старенькие, с дырками...

Это старушечье белье в прорехах действовало на ребят особенно сильно. Бедняга! Силится выглядеть пристойно и благородно (по своему понятию), а в исподнем дырка дырку погоняет. Они сустились, поднимали бабушку, устраивали на кухонный диван, вливали валерьянку, искали телефон, чтобы вызвать «скорую», но трубка куда-то подевалась.

Марина держала на коленях голову бабушки и плакала:

– Пожалуйста! Не умирай! Нет у нас денег с рынка питаться, в долгах по уши, кредиты выплачиваем, только дочери фрукты покупаем. И тебе будем... бабушка... не умирай!

Андрей чувствовал себя палачом, который ошибочно принялся казнить невиновного, а потом вдруг пришло помилование. Он гаркнул на дочь: «Ты опять с телефоном играла?!» Не обращая внимания на плач малышки, стал высыпать лекарства из аптечки:

– Нитроглицерин? Кажется, нитроглицерин нужен?

– У нас нет, – испуганно сказала Марина.

Андрей бросил лекарства, сообразил, что «скорую» можно вызвать по сотовому телефону...

– Девушка! Срочно! Умирает женщина...

В этот момент бабушка открыла глаза и произнесла слабым голосом:

– Оставьте! Врачей не нужно.

– Тебе легче, легче? – твердила Марина.

– Отпустило? – забыл про телефон Андрей. – Вы в порядке?

Эмилия поднималась медленно, постанывая, закатывая глаза. Воплощение мужественной женщины, которая переламывает боль, чтобы не травмировать окружающих.

– Воды? Чаю? Где твои лекарства? – быстро спрашивала Марина.

– Душно? Форточку открыть? Грелку? – перебивал Андрей жену.

Эмилия села, запахнула полы кимоно, скрылось ее дырявое исподнее, провела устало по лбу пальцами, вздохнула и с рокоchущими, томными перекатами голоса протянула руку Андрею:

– Сигарету!

Как ни был испуг Андрея силен, он сообразил, что бабушка пытается нарушить пункт первый их договоренности – не курить в квартире.

– Конечно, всенепременно! – Андрей взял бабушку на руки и понес к выходу из квартиры. – Марина, тащи сигареты и зажигалку, – бросил он жене.

Курить на лестничной площадке, устроенной точно ребенок на руках у внучатого зятя, Эмилии удовольствия не доставило. Она чувствовала сценическую фальшь и понимала нелепость положения. Не только Станиславский, а любой мало-мальски образованный режиссер воскликнул бы: «Не верю!»

– Ах, это у меня машинальное, – сказала бабушка после трех глубоких затяжек. – Какие сигареты, когда едва не от-

правилась на тот свет! Вы не отправили, – уточнила она. – Отнесите меня в дом. Дайте коньяка рюмку. Коньяк хорошо действует на мои сосуды.

Через месяц Марина позвонила двоюродному брату:

– Антоша! Я больше не могу, по мне клиника неврозов плачет. Заберите бабушку.

– Куда мы ее заберем? Ты же знаешь наши условия. На шею себе посадим?

«Но у нас-то она сидит на шее, – подумала Марина, – внедрилась в печенки, в селезенки. Начался некроз моей семьи».

– Я вас умоляю! – заплакала Марина. – Умоляю, Антоша! Хоть на время.

– Что, так плохо?

– Ужасно. Эмилия превратила меня в тряпку, Андрей вечно зол, едва сдерживается, то есть уже не сдерживается и срыгается, достается не только бабушке, с нее как с гуся вода, но мне с дочкой.

– Мою жену Ленку так просто в бараний рог не скрутить.

– Ты согласен? – обрадовалась Марина. – Спасибо, спасибо, спасибо! Забирайте бабушкино наследство себе.

– Какое наследство?

– Шкатулку. Антон, можно мы завтра бабушку переведем?

Что находилось в большой старинной шкатулке, Марина и Андрей не знали. Эмилия держала шкатулку на замке и

время от времени устраивала спектакли. Выйдет со шкатулкой в руках, станет в позу трагической актрисы и произносит неестественно пафосным голосом:

– Здесь огромное богатство. Вы, ваши дети и внуки будут обеспечены на всю жизнь. Неблагодарные, вы озолотитесь после моей смерти. С того света, – бабушка закатывала глаза к потолку, – я увижу ваши мучения, на вас падет раскаяние за каждый упрек, за все мои страдания!

– Bravo! – хлопает в ладоши Андрей. – Концерт окончен? Теперь пресса хочет взять интервью у великой актрисы. Кто вас упрекает? Какие такие мучения? Вы, Эмилия, нам в копеечку влетаете. Может, отщипнем от наследства?

– Нет, только после моей кончины.

– Вы нас всех переживете.

– Андрей, прекрати! – не выдерживает Марина.

Наедине они не раз обсуждали вероятное содержимое шкатулки. Марине казалось, что там груды драгоценных камней, как в сказке, в кино про сокровища. Она представляла захватывающий момент: открывают шкатулку, и всеми цветами радуги вспыхивают бриллианты, оттеняя благородство старинных изумрудов и рубинов.

– Какие сокровища? – возражал Андрей. – Если бы у нее были драгоценности, она не приперлась бы сюда, не спала на кухне. – Но и у него оставалась детская надежда на сказочное богатство. – Давай тихо вскроем шкатулку? – предлагал он.

– Что ты! – пугалась Марина. – Это неблагородно.

- Конечно. Зато очень благородно утром ждать по часу, пока твоя бабушка освободит туалет.
- Андрей, она старый человек...
- Вот пусть и опорожняет кишечник, когда я уйду на работу.

Если в семье Марины бабушка устроила тихий террор, то у Антона громкие скандалы следовали один за другим. Лена орать на бабушку начала едва ли не в первый же день. Но Эмилия ничуть не тушевалась. Напротив, взбодрилась. Буйный нрав Лены ее не пугал, даже, казалось, щекотал нервы.

– Твоя жена, – сказала она вечером Антону, – вульгарная пошлая базарная торговка.

– От пыльной актриски погорелого театра слышу, – не осталась в долгу Лена.

– Не нравится, бабуля, – поддержал супругу Антон, упорно не признающий «Эмили», – катись на все четыре стороны.

У Марины, пока та гуляла с ребенком, бабушка могла оставить записку: «Я в парикмахерской. Приди расплатись». Марина мчалась в салон, где бабушке сделали педикюр, маникюр, покрасили, постригли, уложили дурацкий шиньон – все по высшей ставке, и расплачивалась. Эмилия запускала руки в семейные деньги. Ничтоже сумняшеся брала их из ящика стола, шла и покупала себе коньяк, сигареты, самые дорогие шоколадные конфеты. Марина, без упреков, пере-

ложила деньги, прятала в книгах.

С Леной у бабушки трюк с парикмахерской не прошел. Эмилия, кроме обычного набора сделавшая массаж и принявшая дозу ультрафиолета в солярии, торчала в салоне до позднего вечера. На звонки с требованием оплатить услуги Лена отвечала:

– Разбежалась! Бабуля, живите по своим средствам, а не по нашим.

Директорша салона грозила милицией, но потом все-таки отпустила старушку, взяв себе за правило с пожилых маразматичек брать деньги вперед.

Как-то утром Антон оставил на кухонном столе деньги для Лены. Эмилия отщипнула из стопочки и отправилась покупать лакомства, сигареты и коньяк. Вернувшуюся бабушку Лена только не побила. Орала так, что слышали соседи, обзывала Эмилию старой воровкой, прожженной бандершей и народной артисткой.

Лена была добрым человеком, мчавшимся на помощь по первому зову. Но выросла в темпераментной семье, где нормой общения был крик и ор, где никто не держал камня за пазухой и все говорили в лицо, что думают. А думали вслух и на повышенных нотах. Марина не сразу раскусила Лену, которая поначалу шокировала своими манерами. А бабуля с ходу поняла, что Ленины истерики – дым без огня. Эмилия то ли встречала за долгую жизнь подобных людей – рычащих львов с нежным сердцем, то ли каменную ее самолюбивость уже

не могли пробить никакие атаки.

Выступления со шкатулкой продолжились и в семье Антона. Но здесь публика была еще неблагодарнее.

– Бабуля, колись, – требовал Антон, – чего там припрятала? Инфляция наступает.

– Шкатулочку-то откройте, – вторила Лена. – Хоть бы на питание вносила в общую казну, даже пенсию зажилила.

– Грубые пошлые люди! – вскидывала голову освистанная актриса. – Гегемон!

И удалялась поступью Марии Стюард, не уронившей достоинства перед жестоким судом.

Чтобы получать в Москве пенсию, бабушку требовалось прописать. А этого ни внук, ни внучка решительно не хотели. По словам Эмилии, ее пенсию получал верный поклонник. Настолько верный, что за три месяца не прислал ни одного денежного перевода.

Тема поклонников была главной в речах бабушки. Она никогда не вспоминала о муже и двух детях, которых родила от него. Даже про сценическую деятельность не заикалась. Но поклонники! Имя им было легион. Каких безумств они только не творили, сходили с ума, даже травились и стрелялись.

Антон ловил Эмилию на повторях:

– Минутку, бабуля! Директор фабрики прислал тебе грузовик цветов и застрелился? Но генерал армии, про которого ты раньше рассказывала, тоже покончил с собой, предва-

рительно засыпав твою дверь цветами. Разве в вашем городе имелось цветочное хозяйство, чтобы грузовиками разбрасываться? И сколько же ты руководящих кадров погубила?

Пуританку Марину байки о поклонниках коробили, ведь «поклонник» равно – «любовник». Хотя Марина и понимала, что все это – игры старческого слабоумия у дамы с большими претензиями, из памяти которой уплыли факты и события, остались только фантазии на любимую тему. Лена относилась к бабушкиным легендам проще: чудит старуха, врет-завирается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.